

Канун Нового года.

Главная улица Ецзина, украшенная мириадами огней, наполнилась праздничной суетой. Ярко-красные фонари, подвешенные под самыми крышами, тянулись бесконечной огненной лентой на многие ли и озаряли всё вокруг.

В императорском дворце также царило приподнятое настроение. Император Хунцзя устроил в Зале Небесной Праведности торжественный пир в честь своих подданных. Внутри вовсю работало подпольное отопление, наполняя помещение уютным теплом; воздух был пропитан благовониями, а слух ласкала нежная, убаюкивающая музыка. Евнухи и служанки нескончаемым потоком входили в зал, безупречно и слаженно расставляя на столах изысканные яства и драгоценные вина.

Лишь только миновал час Собаки, все сановники были в сборе. У каждого на плечах и в волосах еще белели искристые снежинки. Им пришлось проделать неблизкий путь сквозь метель, чтобы успеть на этот официальный прием, ведь после его завершения им предстояло до полуночи вернуться домой к своим семьям, дабы вместе встретить наступление года.

Вскоре в зал вошел государь в сопровождении своих наложниц.

Присутствующие совершили великий обряд поклонения, хором желая Его Величеству долголетия и процветания, а государству Лу — мира, благоденствия и добрых урожаев.

Довольный Хунцзя поднял кубок:

— Прошу, верные мои подданные, поднимитесь. Разделите со мной это вино.

— Благодарим Ваше Величество!

Когда кубки были осушены, князь Ци внезапно подал голос:

— Отец-император, а ведь третьего брата всё еще нет.

Император бросил взгляд на место, предназначенное для Лу Жунхуая, и действительно обнаружил, что оно пусто.

— Где князь Ли и его супруг? — осведомился он.

Евнух Юаньшэн вкрадчиво пояснил:

— Ваше Величество, Его Высочество после прибытия во дворец сразу направился в Минвэй, полагаю, он скоро будет здесь. Что же до супруга князя, то он занемог и остался отдыхать в поместье.

Во дворце Минвэй жила родная мать Лу Жунхуая. Драгоценная наложница Нин никогда не посещала новогодние пиры, и то, что сын в первую очередь решил навестить мать, не вызвало никаких нареканий.

Глаза императора Хунцзя на миг блеснули, но он ничего не сказал. Юаньшэн осторожно отступил в сторону.

Видя молчание государя, князь Ци продолжил с напускным сочувствием:

— Третий брат в последние годы стал уж больно своенравным. Полагаю, раз уж о добродетели нашего наследного принца ходят легенды, было бы неплохо отправить Третьего к нему на выучку, дабы тот познал правила приличия. Как на это смотрит отец-император?

Взоры всех присутствующих мгновенно обратились к наследному принцу. Лу Жунло втайне стиснул зубы, но сохранил на лице кроткую улыбку:

— Старший брат шутит. Ни возрастом, ни опытом я не сравнюсь с тобой. Раз уж ты так печешься о благополучии третьего брата, не лучше ли тебе самому заняться его наставлением? Так и я буду спокоен.

В этот момент на пороге зала показался Лу Жунхуай. Услышав обрывок их разговора, он холодно усмехнулся и едко бросил:

— Поучать меня? Что же, старший брат хочет научить меня заводить побольше прелестных наложниц? Или, быть может, второй брат желает показать мне, как подобает вести себя наследному принцу?

Князь Ци лишился дара речи. Лу Жунло также замолчал, не зная, что ответить.

Император Хунцзя сухо кашлянул и сердито взглянул на Лу Жунхуая:

— Твои братья лишь проявляют о тебе заботу, попридержи язык и немедленно займи свое место.

Князь Ли молча прошел к столу.

Императрица, чей взгляд скользнул по наследному принцу и остановился на пришедшем сыне, одарила того безупречной улыбкой:

— Я слышала, супруг князя нездоров, и сердце мое не на месте. Посылали ли вы за лекарем?

— Отвечаю матери-императрице: лекарь из поместья уже осмотрел его. Ничего серьезного, вам не стоит беспокоиться, — бесстрастно отозвался Лу Жунхуай.

— Когда супруг князя в прошлый раз посещал дворец, я заметила, что он выглядит бледным. Но вы тогда так спешили, что я совсем забыла об этом упомянуть, — императрица приняла позу милосердной матери нации, выказывая глубокую озабоченность здоровьем Чу Юаня.

Однако дураков в зале не было. Слух о том, как Лу Жунхуай в тот день едва не утопил третью принцессу, разлетелся по дворцу подобно ветру. И хотя правители хранили молчание, а подробности дела оставались туманными, никто не осмеливался открыто обсуждать случившееся.

Упоминание императрицы освежило память государя.

Лу Линшуан с детства была строптива и вечно враждовала с Лу Жунхуаем. Узнав о его женитьбе, она первым делом решила поиздеваться над его избранником, но князь разгадал ее замысел, и в итоге в воде оказалась она сама. Принцесса бросилась к отцу в слезах, но вместо сочувствия получила лишь суровую выволочку.

Однако, сознавая вину собственной дочери, император Хунцзя из соображений престижа предпочел замять дело. Он сделал вид, будто ничего не произошло, и лишь в глубине души ощутил легкую тень вины перед невинно пострадавшим Чу Юанем.

— Передайте мой указ: пусть императорские лекари Ван и Цзян немедленно отправятся в поместье князя Ли и лично обследуют его супруга.

Евнух Юаньшэн поспешил исполнить веление.

Никто не обратил внимания на то, как одна неприметная служанка в углу зала бесшумно выскользнула за дверь.

Драгоценная наложница Сюй элегантно поднесла кубок к губам и, прикрывшись широким рукавом, слегка качнула головой. Ее мизинец, украшенный изысканным наперстком-фуцзя, едва заметно дрогнул.

Стоявший за ее спиной маленький евнух всё понял без слов и исчез из зала в тот самый момент, когда служанки подходили, чтобы подлить вина гостям.

***

Праздничное оживление внешнего мира не достигало «Двора Объятий Весны».

Господин и слуга сидели у окна, созерцая падающий снег. Снаружи всё было укрыто белым саваном, а внутри царил уютный полумрак.

— Молодой господин, в прошлый Новый год вы рассказывали историю о боге огня Чжужуне. А сегодня я хочу послушать о боге снега, — Лэ Шу прильнул к подоконнику, вертя в руках сорванную сосульку.

Чу Юань прижимал к себе грелку. Ослепительная белизна снега отражалась в его изящных чертах, подчеркивая их красоту. Юноша едва заметно улыбнулся и протянул к окну тонкую белую ладонь. Кристально чистая снежинка опустилась на кончик его пальца, обдав кожу легким холодом. Он смотрел на крошечный ледяной цветок, и во взгляде его читалась нежность.

— Хорошо. Легенды гласят, что божество инея и снега — это прекрасная дева. Она столь дивна лицом и обладает...

— Ваше Высочество! Из дворца прибыли люди, они ждут вас у ворот! — в комнату ворвался запыхавшийся слуга, торопливо подгоняя его.

Чу Юань поднялся, и Лэ Шу тут же вскочил:

— Я пойду с вами!

Мальчик до смерти боялся каждого вызова господина во дворец. Прошлый визит едва не закончился бедой, да и в императорском дворце Чу воспоминания были не лучше — для юноши подобные приглашения никогда не сулили ничего доброго.

Чу Юань не стал возражать и вместе со слугой направился к главным воротам.

Там их ждал евнух — бледный, безбородый и, судя по виду, совсем молодой. Завидев Чу Юаня, он тут же расплылся в подобострастной улыбке.

— Желаю здоровья супругу князя. Я прибыл по указу Его Величества, дабы сопроводить вас во дворец.

Чу Юань нахмурился:

— По какой причине Его Величество призывает меня в столь поздний час?

Евнух слащаво пояснил:

— Прослышав о вашем недуге, государь лично велел двоим лекарям обследовать вас. Однако путь нынче скользок, а лекари уже в годах, ноги их подводят. К тому же во дворце хранятся редчайшие снадобья, которые всегда должны быть под рукой. Посему мне велено доставить вас в Императорскую лечебницу.

— Раз такова воля государя, в путь, — Чу Юаню совсем не хотелось ехать, но приказы императора обсуждению не подлежали. Он спустился по ступеням и сел в присланный экипаж.

— А ты, малый, садись-ка снаружи, — обратился евнух к Лэ Шу. — Путь завален снегом, возможно, придется помогать расчищать дорогу.

Лэ Шу не стал спорить. Он устроился рядом с кучером и плотно задернул завесу, надежно укрывая Чу Юаня от ледяного ветра.

Поездка в снежную ночь действительно была тяжелой. Лошади с трудом тянули повозку, колеса которой глубоко увязали в сугробах.

Спустя четверть часа Чу Юань услышал голос своего слуги:

— Это точно дорога ко дворцу? Почему вокруг становится всё темнее?

— Всё верно, мы почти на месте, — отозвался евнух.

В следующий миг до слуха Чу Юаня донесся глухой удар.

Сердце юноши сжалось от дурного предчувствия, и он мгновенно крикнул:

— Лэ Шу!

Ответа не последовало.

Чу Юань крепко сжал кулаки и резким движением откинул полог.

Лэ Шу лежал на козлах, глаза его были плотно закрыты.

— Лэ Шу! — Чу Юань бросился к нему, его лицо стало белым как полотно. Дрожащими пальцами он коснулся носа мальчика и, почувствовав слабое дыхание, судорожно выдохнул от облегчения.

Евнух стоял подле кареты, и на его лице всё еще играла та же приторная улыбка.

— Ваше Высочество, прошу вас, выходите.

— Кто тебя подослал? — ледяным тоном спросил Чу Юань.

— Вам ни к чему это знать, — осклабился евнух. — В конце концов, я очень скоро отправлю вас в последний путь.

<http://bllate.org/book/15308/1354325>